

“Большой юморист, очень душевный и экспансивный человек” 70 лет Кэндзабуро Оэ

Сегодня исполняется 70 лет знаменитому японскому писателю, лауреату Нобелевской премии Кэндзабуро Оэ. О творчестве Оэ и о значении этого писателя для мировой литературы корреспонденту Газеты Марии Терещенко рассказал известный японовед и переводчик всех романов Оэ, выходивших на русском языке, Владимир Гривнин.

Владимир Сергеевич, как случилось, что занялись японоведением?
Получилось все очень просто. В 1941-м меня призвали в армию и направили учиться на военный факультет Московского института востоковедения. Япония всегда меня как-то волновала и интересовала, и я записался на японское отделение. С тех пор я Японией и занимаюсь. После армии работал в Библиотеке иностранной литературы. Там я организовал восточный отдел, стал заместителем директора, а потом перешел в университет, где проработал 35 лет, преподавая в Институте стран Азии и Африки японский язык, японскую литературу, японскую культуру, психологию японцев — у меня был такой спецкурс.

Каким было первое впечатление от книг Оэ?

Первый роман Оэ, который мне показался очень интересным, был «Футбол 1860 года». После «Футбола» я перевел еще «Опоздавшую молодежь» — не самый лучший роман Оэ, несколько конъюнктурный; даже не так — он очень политизированный. После был «Объяли меня воды до души моей», затем — «Записки пинчраннера». И наконец, «Игры современников». Должен сказать, что «Игры современников» сложнее всего было переводить. С моей точки зрения, это самый глубокий его роман. Как он, кстати, вам казался?

Он значительно менее личный, чем ранние книги. Там есть попытка исследовать более глобальные проблемы, поэтому

«Игры» выглядят значительнее, чем даже «Объяли меня воды».

Он просто совсем не личный. Это роман о судьбах человечества. Оэ — человек весьма политизированный. Молодежь, которая фигурирует в романе, списана с хунвэйбинов китайских. В романе какое-то сообщество для того, чтобы лучше жить, находит себе предводителя и выбирает новое место поселения. Постепенно лидер превращается в диктатора, а кончается книга тем, что вроде бы старого диктатора уже нет, но нарождаются новые, и человечество скоро снова обретет тирана. Это роман философский, социальный. Кстати, после «Игр современников» Оэ все больше склонялся к мысли прекратить романное творчество.

Либеральные позиции Оэ не мешали его публикациям в Советском Союзе?

Это очень интересная история. Дело в том, что Кобо Абэ состоял в свое время в коммунистической партии, а после событий в Венгрии из нее вышел. Тогда японская компартия заявила, что его нужно и в СССР поместить в черный список. Каждый роман Абэ я буквально пробивал. Что касается Оэ, он никогда не принадлежал к компартии. Он, правда, был в Обществе новой японской литературы, которое находилось под сильным влиянием компартии, и в качестве протеста вышел из этого общества, когда в Китае начались все эти зверства. Тогда же он написал очень резкую статью против того, что творит Мао Цзэдун. В СССР только это могли поставить ему на вид. Так что к Оэ у нас относились довольно хорошо. Когда Горба-

Японец Кэндзабуро Оэ считает себя учеником Толстого и Достоевского Фото: Reuters

чев пришел к власти, он устроил в Москве Всемирный конгресс интеллигенции. И одним из делегатов был Оэ. Кроме того, Оэ был членом общественного совета журнала «Иностранная литература».

Вы с Оэ неплохо знакомы. Какой он человек?

Он несколько изменился после получения Нобелевки, но теперь мы с ним почти не общаемся. А раньше он был большим юмористом, очень душевным и экспансивным чело-

веком. Когда он приехал в Москву, как раз вышли «Игры современников» — будто подгадали выход книги специально к его приезду. Он пришел к нам домой, я подарил ему книжку, он целовал меня, целовал книжку, благодарил меня — для японца такое поведение совершенно невообразимо. Но его очень взволновало то, что я эту книжку перевел. Дело в том, что для Японии «Игры современников» показались очень сложным романом. Многие его не восприняли, и Оэ сделал даже упрощенный вариант этой книги.

Кстати сказать, этот упрощенный вариант был переведен на Украине.

Вы сказали, он человек остроумный.

Да, Оэ большой шутник. Он был у нас в гостях. А моя жена очень вкусно готовит грибы. Оэ попробовал сначала один вид грибов и говорит: «Ой, это так вкусно! Первым моим впечатлением от поездки будет доклад Горбачева, а вторым — грибы Наны». Потом он попробовал другой вариант грибов — жюльен, посмотрел внимательно на мою жену и сказал: «Нет, первое впечатление — это грибы, а второе — доклад». Потом, когда мы ездили в Японию и гостили у Оэ, он все время просил, чтобы моя жена делала жюльен. И в последний раз он раздал по порции своей семье — двум сыновьям, дочери и жене — и сказал: «А остальное съем я и никому больше не дам».

На какую ногу у Оэ поставлен дом? Он же очень тяготеет к западному стилю — отражается ли это на образе жизни?

Самый передовой японец и самый передовой японовед — мы все обожаем японскую еду. Так что японская еда в любом доме, традиционном или нетрадиционном, всегда присутствует. То же самое и у Оэ. Едят они, разумеется, палочками. Естественно, что жена (она искусствовед, очень европеизированная женщина) ничего делать не умеет и всю еду покупает в полуготовом или готовом виде. У него двухэтажный небольшой дом в пригороде Токио. Гостиная комната: с левой стороны тахта, огромный телевизор, а справа — обеденный стол, за которым мы и сидели всегда. Обычный стол, не низкий. И жена Оэ сидела с нами, хотя в Японии полагается, чтобы жена к столу не подходила.

Оэ говорит, что он пишет так, как писать по-японски невозможно и нельзя. Что он имеет в виду?

Ему это снится. Он сам себе это придумал. Дело в том, что Оэ находится под огромным влиянием Толстого и Достоевского. У него большие длинные фразы, и он считает, что изменил язык. На самом деле никакого языка он не изменял и переводить его не сложнее, чем любого другого японского писателя. Сам Оэ слишком узко понимает свою роль в японской литературе. Дело в том, что, когда Япония только вышла в мир, она сразу же стала двуликой, началась борьба, похожая на ту, что происходила в России между славянофилами и западниками. Одни считали, что Япония должна быть ограждена от западного влияния, другие хотели, чтобы она влилась в западный мир. С каждым годом это противостояние все усиливалось. Первым «западником» был Акутагава Рюноскэ — великий писатель и широчайшей эрудиции человек. Когда я смотрел его переписку, у меня просто волосы шевелились, потому что он упоминал таких западных людей, о существовании которых я просто не слышал никогда. Линия, начавшаяся с Акутагавы, продолжалась до войны, а после нее появилось поколение писателей, которые уже стали естественной частью мировой литературы. Из этого поколения — Абэ, из него же — Оэ. Сейчас вот весь мир зачитывается Мураками, но ведь это ужасающе: он халтурщик, конъюнктурщик, кто угодно, только не писатель. А все им увлекаются. Почему? Потому что он пишет западную литературу с японским колоритом.

Кто сегодняшней японской общественности ближе — «западники» или японо-фили?

Традиционные ценности всегда остаются для Японии ценностями. Они все вышли из традиционной японской литературы, но одновременно с этим все сегодня испытывают сильное влияние Запада. Проблема в другом. Как и во всем мире, в Японии сейчас очень мало читают.